

АННА ОДУВАЛОВА

Мой
СЛОМЛЕННЫЙ
ФЕНИКС

Анна Сергеевна Одувалова

Мой сломленный Феникс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72998482

SelfPub; 2025

Аннотация

Все знают, кто такие «Ангелы»! Их лица скрыты за сияющими масками, их жизнь покрыта тайной, а их песни на слуху у каждого.

Меня считают их фанаткой, я, и правда, не пропускаю ни одного концерта. Собираю крупы информации о каждом из них. Особенно о таинственном и недостижимом фронтмене Энджеле. У него огненная маска, пылающие крылья за спиной, и выворачивающие наизнанку песни.

Но реальность несколько сложнее, я мечтаю не об автографе или свидании, я хочу стать одной из них, и на пути к своей цели я не остановлюсь ни перед чем.

И в моих планах на ближайшее время совершенно точно нет парней! Точно, я сказала!

История Кита из элиты Горскерйра

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Одувалова

Мой сломленный Феникс

Пролог

Энджел

Зал рукоплещет. Софиты ослепляют, и я невольно жмурюсь, опуская микрофон. Отступаю в тень за кулисы, где воздух чуть прохладнее и спокойнее. Сейчас начнётся: свист, крики, просьбы выйти на бис. И я выйду – куда деваться? Они теперь моя единственная семья.

Руки мелко дрожат от усталости, в висках стучит, а перед глазами всё плывёт. Но я делаю глубокий вдох и вместе с парнями возвращаюсь на сцену. Мы начинаем петь тот самый хит – популярный трек этого сезона. Я написал его о себе, о своей боли, о том, что терзает душу. Наверное, поэтому он так хорошо зашёл – люди чувствуют искренность в каждой ноте.

Наконец всё заканчивается. Можно ехать домой. Я не был в Горскейре несколько месяцев и сейчас мечтаю только об одном: как вернуться в свою просторную студию на тридцатом этаже, буду смотреть на ночной город через панорамные окна, а потом завалюсь спать, не раздеваясь.

Простые мечты для знаменитости, правда? В магмобиль сажусь, не снимая переливающуюся огненную маску, закрывающую лицо. Капюшон низко надвинут на глаза – это необходимость, прописанная в контракте. Никто не знает лиц «Ангелов», никто не слышал наших настоящих голосов. Это основа популярности и возможность жить обычной жизнью вне сцены.

Всегда сижу на заднем сиденье. Даже водитель, который возит меня уже несколько лет, не знает, как я выгляжу. А парни из группы понятия не имеют, где я живу. Мы не друзья – просто коллеги. Не враждуем, но и не общаемся тесно. Так безопаснее. Даже среди них мое лицо – тайна.

За окном мелькают огни вечернего города. Мы едем по центру, и я невольно задерживаю взгляд на старом доме. Там я жил, когда был Никитосом лэ Элисвейс. Тогда у меня был брат-близнец. Это было в прошлой жизни. Теперь у меня рыжие волосы вместо пепельного блондина и новое имя – Энджел. И только музыка осталась со мной из прошлой жизни.

У меня нет друзей. Я предал любимую и брата. В груди тяжело от этих мыслей, словно камень давит на сердце. У меня нет цели. И я не могу даже умереть – ведь вновь возрожусь из пепла. Но у меня есть музыка и голос – это моё оружие, мой способ общения с миром и единственный смысл жизни. Потому что я даже не человек – я феникс, у которого нет права на счастье. Но есть любимое дело, и это уже немало.

Прощаюсь с водителем у подъезда. Лифт мягко шуршит,

поднимая меня на последний этаж. Магия нежно подхватывает у стены, и в переливающемся облаке возносит под самую крышу.

Эта квартира в престижном районе – неплохая, но определённо не соответствует статусу звезды или богатого наследника. Но мне здесь хорошо. К тому же она идеально вписывается в образ моей второй личности.

Ладно, не идеально. Вторая личность могла бы жить скромнее, но мне-настоящему здесь нравится. Это место, где я чувствую себя спокойно.

В коридоре темно. Скидываю ботинки и, не включая свет, направляюсь в душ. Наконец-то можно снять маску. Сделать это реально только с помощью специального магического состава и перед зеркалом. Кожу обжигает, и первые минуты лицо пылает почти так же ярко, как мои рыжие волосы. Неприятные мгновения, но, когда выхожу из душа в одном полотенце, краснота и жжение исчезают.

Прохожу в комнату и делаю то, о чём мечтал весь день: падаю навзничь на кровать. Правда, не успеваю насладиться минутой покоя и долгожданного отдыха, так как слышу пронзительный визг.

На автомате щёлкаю пальцами, включая свет, и отскакиваю в сторону. На моей кровати, кутаясь в покрывало, сидит испуганная черноволосая девушка.

– Что ты, демоны забери, делаешь в моей спальне? – Мой голос звучит резче, чем хотелось бы, но шок от неожиданно-

сти ещё не прошёл.

Глава 1

Дамона. Двенадцать часов назад

– Смотри, что у меня есть!

Я подбегаю к сидящей на лавочке подруге со спины. Она аж подпрыгивает на месте. Конспект вылетает у нее из рук и шлепается на осыпавшиеся желтые листья.

– Мон, ты в курсе, что ты сумасшедшая? – Она усмехается, но это нервная усмешка, пока я продолжаю махать билетами прямо перед ее носом, как флажками победителя.

Элисбет – или просто Лиса, для всех, кто знает ее лисьи глаза и острый язык – медленно поднимает конспект, отрывает прилипший лист, и только потом фокусируется на том, что я держу. Ее взгляд скользит по знакомому логотипу, и она закатывает глаза, увидев в моих руках два билета в популярный клуб «Облака». Попасть туда обычным смертным практически невозможно. Это как выиграть в лотерею, в которую даже не продают билетов. Двери туда открываются только по спискам, приглашениям или невероятному везению. А я – Дамона Ричардс. И везение я создаю сама. Особенно когда на сцене «Облаков» сегодня вечером – «Ангелы».

Я вижу, как Лиса оценивает мой горящий взгляд и вздыхает.

Все считают меня их фанаткой. Но на самом деле всё

немного не так. Я не жажду автографов «Ангелов» или свидания с одним из них. Хотя... тут я, пожалуй, лукавлю. Кто бы не хотел свидания с одним из них? Но моя мечта гораздо глубже. Я хочу не просто смотреть на них со стороны. Я хочу быть там. На сцене. За кулисами. Частью мира, который они создают своей музыкой. Частью них. «Ангелом». Вот что мне нужно.

И об этой моей цели знает только Лиса. Два года назад я упаковала чемоданы под палящим солнцем Монарко, махнула рукой на пальмы и океанский бриз и купила билет в один конец. Сюда. В серость, в сырость, в этот университет. Потому что именно в Горскейре базируются «Ангелы». Парни в стильных масках, чьих лиц никто толком не видел, но чьи песни крутят на всех радиостанциях планеты. Именно тут билет в их мир.

Пока я не приблизилась к своей мечте, но сегодня у них концерт – первый за полгода, в течение которого парни были в турне. У меня есть билеты на него, а значит, есть и шанс.

– Мон... – Лиса произносит мое имя с тяжелым вздохом. Она смотрит на меня прямо и проникновенно, даже неуютно становится. Ее взгляд – не злой, скорее, устало-озабоченный, как у няньки, которая знает, что ее подопечный вот-вот натворит дел. – Ты же понимаешь, что это чистой воды сумасшествие? – Она делает паузу, ее глаза бегло скользят по моей явно поношенной куртке и дешевым кроссовкам. – Опять потратила последние деньги?

Вопрос бьет точно в цель. Я чувствую, как под курткой по спине пробегает предательский холодок, а щеки наливаются жаром. Надо улыбаться. Легко, беззаботно.

Я растягиваю губы в том самом выражении, которое Лиса называет «улыбкой самоубийцы перед прыжком».

– Всё будет путём, Лис! Честное слово! – Мои слова звучат чуть громче и бодрее, чем нужно. Я ловлю себя на том, что слишком нервно тереблю ремешок рюкзака. – А теперь пошли, а? До начала пары осталось... – Я нарочито резко поворачиваюсь к зданию универа. – Десять минут, не больше. И если мы ввалимся позже, миссис Грымза... – Я делаю драматическую паузу, изображая лицо нашей преподавательницы магтехнологий в момент ярости: брови домиком, сжатые губы, огонь в глазах. – Орать она будет так, что стекла повывлетают. Ты же не хочешь стать причиной ремонта?

Лиса печально вздыхает, и я её понимаю. В Горскейре осень редко радуется солнышком и золотыми шуршащими листьями под ногами. Уходить с открытой площадки перед зданием Горскейрского университета немагических технологий не хочется, особенно когда эта площадка в кои-то веки залита солнцем. На ярко-зеленой, еще совсем летней траве золотятся листочки, а небо кажется голубым и бескрайним. Один дождик – и вся золотая красота превратится в грязную кашу под ногами. Но сегодня мне плевать на погоду. Плевать на эту вечную горскейрскую слякоть, потому что у меня в кармане жарко горят два билета.

Да, я выложила за них все до последней монетки. Бутерброды в столовой на этой неделе будут исключительно из хлеба и воображения. Но разве это важно? Важно то, что сегодня вечером я увижу их. Услышу. Буду ближе к своей цели.

Мысль об этом поднимает во мне такую волну упрямого счастья, что даже предстоящий дождь кажется просто мелкой неприятностью, фоном. Сегодня судьба должна быть ко мне благосклонна. Сегодня просто не может случиться ничего плохого.

Знать бы, как я ошибаюсь!

Мы собираем вещи, и я бросаю последний взгляд на небо. Где-то там, за редкими облаками, скрывается мой шанс. И я не позволю ему ускользнуть.

После выходных коридор перед доской с расписанием – это ад. Стоит гул десятков голосов, смешанный с хлопанием дверей. Воздух густой от запаха приторного парфюма и дешевого кофе из автомата. Студенты толпятся плотной, беспокойной массой, все пытаются разглядеть свои группы и номера аудиторий через чужие головы.

Мы с Лисой, перекрикивая шум, машем знакомым девчонкам с потока и начинаем пробиваться сквозь толпу. Приходится извиняться и лавировать, отвоевывая каждый сантиметр, стараясь не наступить никому на ноги и не угодить локтем в чей-то бок.

– Мон, лови!

Знакомый голос режет общий гомон где-то сверху и спра-

ва.

Поднимаю глаза. Рик лэ Соррано, как обычно, возвышается над толпой, облокотившись о косяк двери в соседний кабинет. Он широко, по-волчьи, белозубо улыбается. И прежде чем я успеваю среагировать, уже швыряет в мою сторону потрепанный конспект. Тетрадь летит короткой дугой, страницы шуршат на лету.

Конечно же, я не могу поймать эту тетрадь, не рискуя опрокинуть половину коридора. Руки заняты рюкзаком, вокруг – сплошная толчея. Конспект пролетает мимо моих беспомощно протянутых пальцев и шлепается на холодный линолеум метром правее, расплескивая страницы. Кто-то позади недовольно цыкает, чуть не наступив на них.

– Придурок! – бормочу себе под нос, наклоняясь за упавшей тетрадью.

Рикард, конечно, неплохой парень. И даже симпатичный. Но его поступки часто оставляют желать лучшего. И это не просто слова – это чистая правда. Обычно все аристократы с приставкой «лэ» в фамилии учатся в престижном Горскейрском колледже магии. А потом плавно перетекают в специализированные академии, где их редкие таланты лелеют и растят, как экзотические цветы.

Но Рикард... Рикард – тот самый уникальный случай. Живое доказательство, что даже огромные деньги и самые влиятельные связи иногда не могут решить проблему тупости отпрыска благородной фамилии.

Вот он и числится здесь, в нашем заурядном университете. Появляется на парах время от времени – когда взбредет в голову. Сдаёт что-то, иногда просто присутствует – и вуаля, ему ставят оценки. Не задирают, не мучают вопросами. А мы, обычные, пашем как проклятые: ночи над конспектами, нервы перед сессией, беготня за преподавателями, лишь бы получить хоть сколько-нибудь достойные баллы. Усилий – море, а результат... Часто даже рядом не валялся с его «естественными» оценками.

– Держи!

Едва я наклоняюсь за конспектом, как кто-то неожиданно протягивает его мне. Вскидываю глаза и замираю. На меня в упор смотрят яркие изумрудные глаза. На мгновение я теряюсь, не в силах даже понять, кому они принадлежат. Знакомые черты не складываются в картинку. Я просто стою как истукан, глупо хлопая ресницами, и чувствую, как по щекам растекается жар – предательский заметный румянец от ушей до подбородка. Сказать так ничего и не выходит.

Но парень... Он, кажется, вообще не ждёт ни «спасибо», ни взгляда в ответ. Будто просто выполнил механическое действие, и все. Едва мои пальцы смыкаются на тетради, он уже отдергивает руку и делает шаг назад, в толпу. И растворяется в потоке студентов, идущих по коридору. Спина его сгорблена, будто под невидимым грузом. Лицо я разглядеть не успела, его почти полностью скрывает низко надвинутый капюшон огромного, мешковатого черного худи. По-

трепаный, явно неновый рюкзак тяжело болтается за спиной. Мешковатая черная одежда, широкие штаны и безразмерная толстовка скрывают фигуру парня, превращая его в бесформенную, быстро удаляющуюся тень. Единственное, что я могу сказать: он худощавый и достаточно высокий.

Конспект все еще в моей руке, а в ушах чуть звенит от неожиданности, когда память проясняется. Я вспоминаю, кто это! Ник Вейс. Наш однокурсник. Моргаю, пытаюсь вспомнить хотя бы его лицо. Ничего. Потому что этот парень... он как призрак. Его лицо вечно спрятано под этим капюшоном, будто солнце ему враг.

– Надо же! – Лиса фыркает прямо у моего уха, ее голос пробивается сквозь гул коридора. Она скрещивает руки на груди и смотрит вслед Нику с явным скепсисом. – Ник Вейс решил с кем-то повзаимодействовать! Где-то что-то сдохло...

– Ты к нему слишком строга, – отвечаю я, не отрывая взгляда от его спины.

Ник... он не просто незаметный. Он одиночка по определению. Живая тень, скользящая вдоль стен аудиторий и коридоров. Его никто по-настоящему не замечает. У него нет друзей для болтовни за кофе, нет девушки, с которой он перешептывался бы на парах.

Обычно такие замкнутые до предела парни – магнит для насмешек, для подколов, для всех этих глупых выходок, которые иногда случаются и здесь. Но Ник... Похоже, он ка-

ким-то чудом проскочил мимо. Он неинтересен даже тем, кто любит поиздеваться.

Я и сама периодически забываю, что он учится с нами. Он часто внезапно пропадает, а потом неожиданно вновь появляется на своем месте у окна, как будто и не исчезал. Никто не спрашивает, где он был. Никто не замечает пропажи. Он как тот самый домовый – о нем вспоминают, только когда он вдруг мелькнет.

Но есть одна деталь, которую я точно не забуду: его удивительные изумрудные глаза. Они словно светятся изнутри, выделяясь на фоне его вечно мрачного образа.

– Мон, ну что зависла? – Резкий рывок за рукав куртки заставляет меня вздрогнуть. Нетерпеливый голос Лисы звучит прямо у уха. – Ты что, впервые увидела Ника? Да, я тоже его нечасто замечаю, честное слово. А ты вся в мечтах об «Ангелах»... – Она слегка передразнивает мой тон. – До нас, простых смертных, не снисходишь обычно! А тут неведомая зверюшка удостоилась твоего внимания!

Щеки вспыхивают, будто я только что выбежала на мороз. Под взглядом Лисы неуютно. А ее слова почему-то задевают.

– Лис, ты злая, – говорю тише, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. Сжимаю конспект в руке, упираясь взглядом в потрепанный уголок тетради, лишь бы не показать, как ее колкость вонзилась под кожу.

– Да ладно тебе, не злая я! – Она отмахивается, пожиная плечами с преувеличенной небрежностью. Но я успеваю

поймать мимолетную тень в ее карих глазах – что-то вроде досады или мимолетного сожаления. – Ты сама это знаешь. Просто у меня чувство юмора... своеобразное. Ты же привыкла.

Спорить с Лисой, когда она в таком настроении, – верный способ испортить себе утро. Я просто киваю, и мы молча поворачиваемся, вливаясь в поток студентов, плывущий в аудиторию 305.

Ирония судьбы подстерегает нас сразу у порога: наша привычная парта – вторая у окна – оказывается... прямо позади парты Ника. Он уже сидит там, не обращая ни на кого внимания. Я стараюсь сосредоточиться на том, чтобы аккуратно поставить рюкзак, достать ручку, открыть конспект. Но мой взгляд, будто против воли, снова и снова скользит по спине парня.

Он сидит ссутулившись, его плечи скрыты под огромным чёрным худи, и отвлекает меня от учебы!

Четыре пары подряд я пытаюсь вникнуть в лекции, в формулы, в бесконечные конспекты. Сижую прямо, киваю преподавателям, записываю всё, что успеваю ухватить. Делаю это без особого удовольствия, честно говоря. Голова гудит от информации, а мысли норовят ускользнуть.

Но стараюсь. Стараюсь изо всех сил. Потому что без этого старания мне не видать стипендии, а без стипендии... Без стипендии я просто не выживу в этом городе. Аренда, еда, проезд – всё это складывается в неподъёмную для меня сум-

му. Нормальные люди в такой ситуации подрабатывают где-нибудь на стороне: в кафе, в магазинах, репетиторством. Логично, да? Но кто сказал, что я нормальная?

Моя подработка – это музыкальная студия «Резонанс». Там я пою. Когда удаётся. Но чаще – мою полы после ночных сессий других групп, отдраивая линолеум от пятен кофе и следов обуви. Разбираю горы бумаг в крошечном офисе – счета, расписания, ноты, всё вперемешку. Иногда, если совсем повезет, подменяю преподавателей для самых младших групп, пытаюсь объяснить азы вокала капризным семилеткам.

За всё это мне разрешают бесплатно заниматься с педагогом. И главное – записывать музыку по ночам, когда студия пуста, а город за окном затихает.

Это мой рай. Моя отдушина. Но вот беда: всё это не приносит живых денег. Ничего, что можно было бы положить в кошелек и потратить на ту же еду или проездной. Я живу на стипендию и экономлю каждую монетку, а моя работа кормит только душу, но не тело.

После занятий мы с Лисой вываливаемся из главного корпуса на залитую упрямым осенним солнцем дорожку. Она петляет мимо пожелтевших кленов, ведя к главным воротам университета. Теплые, почти летние лучи пробиваются сквозь поредевшую листву, отбрасывая на серый асфальт и увядшую траву причудливый, дрожащий узор из света и тени. Вокруг нас – гул жизни. Студенты кучками и поодинач-

ке спешат по своим делам: кто к общежитию, кто на автобусную остановку, кто просто погулять. Смех, обрывки разговоров о вечеринках, вчерашних лекциях, планах на выходные – всё это сливается в один жизнерадостный гул, который позволяет забыть о проблемах.

Внезапно мой магфон вибрирует, издав короткий, знакомый до боли звук – пришло сообщение. Сердце почему-то ёкает. Открываю его, пальцы чуть дрожат от необъяснимого неприятного предчувствия. Читаю. И замираю. Буквально. Ноги будто вросли в асфальт. Буквы на экране пляшут, расплываются в мутные пятна. В горле мгновенно пересыхает, образуя плотный, горячий ком, который невозможно сглотнуть.

– Мон? Эй, Земля вызывает! Что случилось? – Голос Лисы, резкий от беспокойства, пробивается сквозь нарастающий в ушах шум.

Я отрываю взгляд от экрана, пытаюсь сфокусироваться на рыжих бровях, сведенных в одну линию беспокойства

– Кажется... – начинаю я, голос звучит хрипло. – Мне... в ближайшую неделю будет немного негде жить...

Глава 2

Энджел

«Зачем я помог этой девчонке?» – крутится в голове. Надвигаю капюшон еще ниже, почти до переносицы, чтобы мир сузился до полоски асфальта под ногами.

Иду через университетский двор к выходу, подгоняемый порывами ветра, который здесь почему-то особенно сильный. Толпа студентов обтекает меня, не замечая.

Быть тенью – это просто и привычно. Надеваешь невидимость, как этот худи, и растворяешься. Ты часть фона: серый, невыразительный, не заслуживающий внимания. Тебя не видят и не слышат, будто и правда не существуешь.

Не этого ли я хотел? И прекрасно получалось, пока система не дала сбой. Почему я помог Дамоне? Ведь именно она та, от кого стоит держаться подальше. Не потому ли, что она напоминает девушку из прошлого, которую я едва не столкнул в бездну?

Глупо! Но дело сделано. Я ей помог, она меня заметила. И весь день буравила взглядом мою спину. Это плохо. Очень плохо.

Осенний ветер пробирается под одежду, но я не чувствую холода. Мысли крутятся в голове, словно шестерёнки сломанного механизма. Нужно было просто пройти мимо, как я делал сотни раз до этого. С чего я вдруг решил проявить

человечность?

Люди вокруг спешат по своим делам, смеются, разговаривают. А я снова погружаюсь в свои мысли, стараясь стать как можно незаметнее. Капюшон скрывает не только лицо, но и эмоции. Никто не должен видеть, что творится у меня внутри.

Поворачиваю к выходу. Ещё несколько шагов – и я скроюсь от чужих взглядов. Но образ Дамоны всё ещё стоит перед глазами. Её удивлённое лицо, когда я протянул ей конспект...

Нужно держаться от неё подальше. Так будет лучше для всех.

Оглядываюсь по сторонам и на парковке возле синего магмобиля замечаю Лайки. Он, как всегда, хохочет и размахивает руками, привлекая внимание окружающих. Его каштановые волосы торчат во все стороны, а на лице привычная самодовольная ухмылка. Он не друг, но, возможно, приятель – если такое определение вообще применимо к нашим отношениям.

– Ник? – с показным удивлением спрашивает он, делая вид, что не ожидал меня увидеть. – Ты уже вернулся?

Мне не нравится его тон и эта притворная улыбка. В его глазах пляшут насмешливые огоньки, и я сразу понимаю: ничего хорошего ждать не приходится. Лайки опять, так или иначе, нарушил наши договоренности. И сейчас будет искать оправдания.

– Ключи! – бросаю я, не церемонясь. Протягиваю руку ладонью вверх.

– Ник, ну честное слово! – Лайки разводит руками, изображая невинность. – Я же искренне думал, что ты вернешься только завтра! Клянусь!

– То есть ключей нет, – констатирую я ровным, мрачным тоном. Даже не вопрос. Я уже знаю ответ. Чувствую его по этому глупому блеску в его глазах.

– То есть... нет, – вздыхает он театрально, но веселье в его взгляде не гаснет ни на секунду. – Но совершенно точно будут завтра.

– Очень в это верю! – отрезаю я и поворачиваюсь к приятелю спиной, не желая больше тратить время на пустые разговоры. – И сегодня я ночую у себя!

– Вообще ни вопрос! – кричит он. – Ты же знаешь: я у тебя, только если ты в отъезде. И то не каждый день!

Разворачиваюсь и иду прочь, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Ни в чем на него нельзя положиться!

Запасные ключи у меня есть, но не здесь. А я-то надеялся успеть закинуть вещи и переодеться, но не судьба. Чёрт бы побрал этого Лайки! Я вообще не всегда понимаю, зачем даю ему ключи от своей студии, когда уезжаю.

Наверное, потому, что есть люди, которым проще дать, чем объяснять, почему нельзя. Лайки как раз из таких. В целом мне все равно, кто ночует в моей студии, когда я отсутствую, лишь бы этот кто-то не забывал вызывать после се-

бя клининг и вовремя отдавал ключи. С клинингом обычно проколов не бывает, а вот с ключами постоянно.

Сжав зубы, я сворачиваю с шумной улицы в более тихий переулок. Несколько кварталов иду пешком. У Ника Вейса нет денег на дорогой магмобиль, но они есть у Энджела, который уже катастрофически опаздывает на репетицию.

Осенний ветер пронизывает насквозь, заставляя ёжиться и глубже засовывать руки в карманы. Проклятый Горскейр! Ведь еще пару часов назад было солнышко и относительно тепло.

Наконец я у своего магмобиля. Открываю дверь и почти падаю на прохладное кожаное сиденье. Сразу откидываюсь назад, чувствуя, как усталость наваливается тяжелым грузом. Хотя бы здесь можно перевести дух. Мои пальцы автоматически ложатся на гладкую поверхность кристалла управления. Легкое прикосновение – и под ладонью я чувствую знакомую вибрацию, тихий ответный гул двигателя. Машина оживает, готовая к движению. Знакомое ощущение спокойствия на секунду окутывает меня.

В университете всего пара человек знает, что я не тот, за кого себя выдаю. Но и для них у меня есть легенда: поругался с родителями, уехал, квартира и машина – всё, что осталось от прошлой жизни. История правдоподобная, и никто не задаёт лишних вопросов.

Даже Лайки, при всем его умении трепаться, молчит. Он знает почему. Если он хоть словом проболтается кому-ни-

будь о том, где проводит время с девчонками, пока меня нет... Тогда ему придется вести их к себе. В свою тусклую однокомнатную квартиру, где вечно пахнет сыростью и дешевой едой, где по углам шуршат тараканы. В район, который даже местные жители стесняются назвать частью Горскейра. Эта мысль – хороший крючок, и Лайки на нем сидит крепко. Но все равно иногда умудряется меня бесить.

Нажимаю на кристалл чуть сильнее. Двигатель отвечает ровным рокотом, и магмобиль плавно выезжает с парковки. Впереди репетиция, нужно сосредоточиться. Но мысли снова возвращаются к Лайки. К его вечному «ой, прости» и абсолютному пофигизму. К моим вещам, к моему пространству, которым он пользуется, не задумываясь.

Раздражение снова подкатывает к горлу. Возможно, пора положить конец этой нелепой договорённости.

Аккуратно вырливаю на центральную улицу Горскейра, сливаясь с плотным потоком машин. Мой дорогой черный магмобиль – гладкий, почти бесшумный – тут же теряется среди других престижных моделей. Пальцы легко лежат на руле, чувствуя его прохладу. На таких магмобилях обычно разъезжают солидные, усталые отцы семейств по делам или важные бизнесмены в дорогих костюмах. Хотя со стороны кажется, что Ник Вейс – именно такой: скучный парень, который неинтересен даже самому себе.

У моей личины четыре слоя. Ник Вейс – самый верхний, самый видимый и самый... невидимый. Он – профессио-

нальная тень. Человек-призрак, который скользит по коридорам университета, не оставляя следа в чужой памяти. Иногда я даже хочу, чтобы все знали меня именно таким, но за три года невозможно ни с кем не сблизиться. Некоторые, самые наблюдательные, улавливают нестыковки. Они видят, что Ник – не просто бедный студент, выживающий на стипендию. Он странный. Чудаковатый, но явно может позволить себе больше. Просто не любит выставлять напоказ ни машину, ни квартиру. Когда кто-то узнаёт об этом, случайно натывается на этот кусочек правды и видит слишком дорогие часы под рукавом потрепанного худи, он не пытается копать глубже, не лезет туда, куда не следует. Им хватает придуманного объяснения.

Следующий слой – Энджел. Популярный участник «Ангелов», купающийся в лучах славы и тщательно оберегающий свою реальную жизнь. Никто не догадывается, что под всеми этими личинами – Ником, Энджелом – прячется еще кто-то. Тот, кого я отринул, но он есть. Мое настоящее «я».

Через два квартала от «Облаков» заруливаю в подземный паркинг элитного ЖК «Силуэт». По легенде «Ангелы» живут где-то здесь, в этих девяти упирающихся в небо высотках. Знакомый охранник молча кивает. Ставлю свой черный магмобиль в дальний угол, в тень. Там уже ждет другая машина – низкий, быстрый спортивный магмобиль, сверкающий под неонам, куда я и пересаживаюсь. И вот за рулем уже не Ник Вейс, а кумир миллионов Энджел.

На мне уже маска – сияющая, безупречная. Короткая черная кожаная куртка, новая, прикрывает белую майку с нарочно спущенным воротом. Каждая деталь – от волос до потертых джинсов – должна быть идеальна. Сегодня концерт. Шоу начинается сейчас.

К клубу «Облака» подъезжаю уже в образе. Фанатки, которые караулят нас повсюду, встречают у входа. Визг, крики «Энджел!» – сплошной шум. Охрана сразу окружает машину, прокладывая путь к служебному входу. Выпрямляюсь, широко и ярко улыбаюсь поклонникам. Делаю шаг, и охрана смыкается стеной.

Пока иду в сопровождении крепких ребят, одна поклонница успевает бросить мне на плечо красные кружевные трусики. Может, начать их коллекционировать? Хотя нет, это уже слишком...

Дамона

– Привет! – раздаётся знакомый голос, и я замираю с чашкой на полпути ко рту.

Перед нашим столиком останавливается Гелла. Она высокая, кудрявые волосы цвета тёмного шоколада рассыпаются по плечам. На губах, которые всегда кажутся немного надутыми, застыла привычная улыбка. Помада на них блестит.

Я не особо люблю Геллу. Не то чтобы ненавижу, но в ней есть что-то... ненастоящее. Она всегда слишком правильная, слишком старательная. Эта её постоянная улыбка действует на нервы. Мы никогда не ссорились, но я стараюсь держать-

ся от неё подальше. В отличие от Лисы, которая, кажется, находит общий язык со всеми подряд.

Гелла спрашивает своим приторным тоном:

– Что-то случилось?

Мы с Лисой отвечаем почти одновременно, слишком громко и поспешно, будто нас застали врасплох.

– Всё хорошо! – выдаю я, и мой голос звучит неестественно бодро. Чувствую, как краснеют щёки.

В этот же момент Лиса раскрывает все карты перед мало-знакомым и неприятным мне человеком.

– У Моны проблема. Ей сегодня негде переночевать! Приютишь?

У меня внутри всё сжимается. Сердце начинает колотиться так сильно, что, кажется, вот-вот выскочит. Иногда мне хочется дать Лисе лёгкий подзатыльник за такие сюрпризы. Но я могу только мысленно простонать от досады. Вот кто ее тянул за язык?

– Во-от как... – Гелла тянет слова с каким-то странным энтузиазмом. Не успеваю я ничего сказать, как она уже садится за наш столик. Её сладкие цветочные духи на мгновение перебивают запах кофе.

– А что произошло? – Её голос звучит слишком заинтересованно.

Не понимаю я такое желание собрать все сплетни в округе. И ведь завтра она разнесет их дальше. Зачем только Лиса ей сказала!

Я чувствую, как напряжение сдавливает виски.

– Гелла, – говорю я ровным, но уставшим голосом. – У меня нет сил всё это пересказывать. – Делаю глоток кофе, пытаюсь собраться с мыслями. – Да, в ближайшую неделю я без крыши над головой. И без денег – стипендия только в следующем месяце. И это не та тема, которую я хочу мило обсудить за кофе с подружками.

Произносить это вслух, особенно перед ней, унинительно. Опускаю взгляд на недоеденный эклер.

– Ну... – Гелла делает паузу, нарочито медленно листая пластиковое меню, которое лежит рядом. Пальцы с аккуратным маникюром постукивают по ламинированным листам. – Возможно... – Она выделяет это слово, делая его значимым, и наконец поднимает на меня глаза. В её взгляде – холодный расчёт и предвкушение. – Возможно, я могу помочь.

По спине пробегает холодок.

– Гелла, не стоит... – начинаю я, уже чувствуя подвох, но Лиса перебивает меня, радостно выпаливая:

– Это здорово! Хотя бы на одну ночь! – Она светится от облегчения, совершенно не замечая моего настроения или скрытого смысла в словах Геллы.

Я смотрю прямо на Геллу, не обращая внимания на Лису. В горле стоит ком.

– Гелла... – Мой голос становится тише, но твёрже. – Ты ведь никогда ничего не делаешь просто так. – Чувствую, как под столом сжимаются кулаки. – Зачем тебе помогать мне? –

Последние слова повисают в воздухе. Жду её ответа, понимая, что он мне не понравится.

Гелла медлит и вдруг поднимает руку изящным жестом, когда официант проходит мимо нашего столика.

Парень – молодой, слишком худой, чтобы быть красивым, – буквально замирает. Его взгляд прилипает к декольте Геллы. Официант держит блокнот, но рука с ручкой застывает в воздухе.

– М-м-м... латте... или капучино? – тянет она, задумчиво, глядя куда-то на пуговицу рубашки официанта. Её голос звучит сладко и неспешно.

Парень заметно краснеет, его уши становятся ярко-алыми, потом резко бледнеет. Нервно переминается с ноги на ногу, явно чувствуя себя неловко. Я вижу, как он пытается отвести взгляд, но снова и снова его притягивает расстёгнутая пуговка на форменной блузке Геллы. Мне за него неловко, и я чувствую, как Лиса напрягается рядом. Она тоже замечает возникшую неловкость. Мы словно застыли в каком-то спектакле, где Гелла – главная актриса.

Наконец она с театральным вздохом облегчения указывает на меню.

– Решила! Глясе, пожалуйста. И побольше мороженого. – Она улыбается, на этот раз официанту, который вздрагивает и торопливо записывает.

Только когда он, чуть не спотыкаясь, уходит за стойку, Гелла медленно поворачивается к нам. Её улыбка всё так же

яркая, но в глазах появляется новый острый блеск. Она наклоняется чуть ближе через стол, и её духи снова окутывают меня.

– Кстати, – начинает она легко, будто между делом, но её тон заставляет меня напрячься. – Я слышала, Мона, ты достала билет на концерт «Ангелов» сегодня вечером.

– Нет! – вырывается у меня громче, чем я планировала. Голос дрожит от возмущения. – Нет, я не отдам тебе билет! – Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки под столом. – Это мой шанс...

Я чувствую лёгкое прикосновение к рукаву. Лиса осторожно тянет меня за ткань, пытаюсь отвлечь от потока слов, которые вот-вот сорвутся с языка. Я резко оборачиваюсь к ней.

– Мона, – вздыхает подруга, и в её глазах читается привычная усталость. – У тебя же два билета!

Я замираю. Действительно... Я два месяца работала после пар, копила и торговалась, чтобы заполучить эти два билета. Надеялась получить хоть какие-то деньги, но в итоге заплатили только билетами. И один из них я планировала отдать Лисе. Мысль о том, чтобы подарить его Гелле, вызывает отвращение.

– Вот именно, – подхватывает Гелла, её голос звучит спокойно. Она размешивает соломинкой свой глясе, не глядя на нас. – У тебя два билета, у меня – свободная кровать. – Она поднимает взгляд, в её глазах читается расчёт. – Ну же, Мо-

на, решайся. Концерт мне неинтересен.

– А что же тебе нужно? – спрашиваю я, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Я не верю в её бескорыстие.

– Мне нужен пропуск в «Облака», – заявляет она, отпивая глоток. – Туда, где бывают богатые и влиятельные... – Она мечтательно закатывает глаза. – Мужчины.

– У тебя же парень есть! – удивлённо вставляет Лиса нахмурившись.

Но Гелла только хмыкает.

– Это потому что у меня нет пропуска в «Облака», – поясняет она, разглядывая маникюр. – Это единственный открытый концерт на ближайшие месяцы, единственный мой шанс туда попасть.

– Но концерт будет в закрытой части клуба, – возражаю я. – Оттуда ты не попадёшь в другие залы.

– Это не твоя забота, – перебивает меня Гелла, её голос становится жёстким. – С тебя – билет. С меня – жильё. Сделка честная.

Я перевожу взгляд на Лису, всё ещё сомневаясь.

– Но второй билет... он для Лисы, – тихо говорю я.

– Мона... – Лиса берёт мою руку, её голос звучит мягко, но настойчиво. – Ты же знаешь, что я не люблю музыку. – Она делает паузу. – И потом, – добавляет она тише, – я не хочу ругаться с квартирной хозяйкой. Отдай билет Гелле. Я буду спокойна, зная, что ты спишь в кровати, а не... где-то на лавке в парке, прикрывшись газеткой.

Глава 3

Добившись своего, Гелла быстро теряет к нам интерес. Она спохватывается, что опаздывает, и собирается уходить. Девушка тут же забывает про недопитый глисе с уже растаявшим шариком мороженого. Подхватывает свою сумочку и молча разворачивается на каблуках. Её духи оставляют после себя сладкий запах, смешивающийся с ароматом кофе.

Гелла проходит мимо барной стойки, не сбавляя шага, и выходит за дверь. Колокольчик звенит ей вслед. Оплатить свой заказ она, конечно же, забывает. Или считает, что одного билета в «Облака» мало за ночевку на ее диване? И ведь знает же, что я даже себе кофе не могу позволить, не только ей.

Я смотрю на чашку Геллы, потом на дверь, через которую она вышла.

– Змея, – шиплю ей вслед так тихо, что слышу только сама и, возможно, Лиса рядом.

Лиса тут же отмахивается.

– Ой, брось. Не злись на Геллу! Это бесперспективно! Зато тебе теперь есть где ночевать! Это же отличная новость, правда? – Она пытается улыбнуться, но улыбка получается напряжённой. – А Гелла... она неплохая, в глубине души. Просто немного эгоистичная. Вот и всё. – Лиса пожимает плечами, делая вид, что это пустяк.

– Немного? – уточняю я, резко вздергивая бровь. Это не «немного». Это как раз тот уровень эгоизма, который оставляет тебя без билета и со счетом за чужой кофе!

– Хорошо, хорошо! – Лиса поднимает обе руки ладонями ко мне в примирительном жесте, как будто сдаётся. Ее глаза округляются. – Гелла – эгоистка. Признаю. Но она не злобная и не подлая. Просто себе на уме. Расчетливая. Но хватит об этом. Давай лучше о хорошем поговорим.

– О чём? – спрашиваю я. Мне сложно найти хорошее в этом дне. Даже концерт омрачен предстоящим походом на него с Геллой.

– Как о чём? – Лиса фыркает и ловит взгляд официанта, показывая, что нужно принести счёт. – Конечно, о платье для концерта! Ты же не пойдёшь на выступление «Ангелов» в этой форме? – Она указывает на мою белую блузку, жилет и тёмно-синюю юбку.

– Лис... – начинаю я, чувствуя усталость. – Не нужно тратить деньги. Ты и так угостила меня обедом. У меня нет возможности купить сейчас платье, и у тебя тоже...

– Не спорю! – перебивает Лиса с улыбкой. Она достаёт свой потрёпанный кошелёк и показывает его мне. Внутри только мятая купюра и пара монет. – Видишь? Пусто! – Монеты жалобно звенят, когда она трясёт кошельком. – И магическое кольцо тоже почти разряжено, – добавляет она, показывая тусклое серебряное колечко. – Но платье ты получишь бесплатно, обещаю! У меня есть знакомые везде.

Я смотрю на её пустой кошелёк, на тусклое кольцо и в её горящие азартом глаза.

– Что ты задумала? – спрашиваю я, немного волнуясь. – Ты ведь в курсе, что грабить магазин я не соглашусь? Это противозаконно и не отвечает моему внутреннему пониманию справедливости.

– Не переживай! – подмигивает Лиса. – У девчонок с дизайнерского факультета есть мастерская с образцами... Они будут рады поделиться чем-нибудь классным!

Слова Лисы звучат так убедительно, что я соглашаюсь.

Когда выходим из кофейни, нас встречает прохладный, влажный воздух. На улице сыплет мелкий дождь – не ливень, а противная морось. Я смотрю на небо и грущу из-за спрятавшегося за тучками солнца. Холодные капли падают на волосы и щёки, заставляя ёжиться. В воздухе пахнет мокрым асфальтом и опавшими листьями – типичная осенняя погода. Я кутаюсь в тонкий жакет, который накинула поверх жилета, но он почти не греет.

Занятия на дизайнерском факультете уже закончились. Студенты не спеша идут к общежитию или в город. Мы с Лисой перебегаем скользкую дорогу к общежитию, где живут её знакомые. Я замечаю освещённые окна здания. Раньше я мечтала здесь жить: своя комната, компания, свобода от вечно недовольной хозяйки квартиры... Но получить место оказалось непросто – комнаты выделяли сиротам или нуждающимся, формально под эти критерии я не подходила. Да

и проживание здесь платное. В итоге вышло ненамного дешевле, чем снимать комнату. Теперь я смотрю на общежитие со смешанным чувством: завидую, но радуюсь, что не связана с его правилами.

Сейчас на входе нет ни дежурного, ни охраны. Попасть внутрь можно только по студенческим магическим браслетам. У нас с Лисой гостевые. Я подношу свой к считывателю у тяжёлой двери. Он мигает жёлтым светом и издаёт короткий сигнал. Браслет слегка теплеет на запястье. Лиса делает то же самое. Наши гостевые пропуска работают на вход до восьми вечера и на выход – до девяти. Если задержаться дольше, браслет начнёт жечь кожу и светиться красным, привлекая внимание владельца и окружающих. Остаться на ночь не получится.

У постоянных жильцов другие браслеты. Они позволяют входить до одиннадцати и открывают не только общую дверь, но и дверь в комнату.

Мы толкаем тяжёлую дверь, и нас встречает шум. Общежитие внутри приличное и симпатичное. Большой холл, залитый светом, полон людей. Кто-то сидит на подоконниках с магикбуками, кто-то спорит у стендов с объявлениями, кто-то болтает, сидя на креслах-мешках или прислонившись к стенам. В воздухе смешиваются запахи: кофе, лапша быстрого приготовления, влажная одежда и что-то сладкое. Гул голосов, смех, шаги по лестнице сливаются в единый фон.

Мы пробираемся через толпу к лестнице. Поднимаемся

на третий этаж. Коридор здесь тише, но тоже не пустой. Доходим до двери с номером 136. Лиса без колебаний стучит костяшками пальцев чуть выше вытертой дверной ручки.

Дверь распахивается. Сразу видно: девчонки-дизайнеры Катрин и Вейна не в восторге от нашей неожиданной просьбы о помощи. Они скорее чувствуют себя обязанными Лисе. Это заметно по тому, как они напрягаются и быстро переглядываются, увидев нас.

Моя подруга, оказывается, когда-то здорово помогла им. Подробности я не знаю, но по выражению лиц Вейны и Катрин понимаю: долг серьёзный. И теперь Лиса этим пользуется, требуя ответной услуги.

Мы сразу попадаем в творческий беспорядок. Комната девчонок похожа на смесь ателье, склада тканей и мастерской после небольшого урагана. Везде: на полу, на двух узких кроватях, на книжном шкафу, забитом книгами по истории костюма и магическими эскизами лежат стопки тканей разных цветов и фактур, стоят манекены в разной степени готовности, расставлены коробки с фурнитурой. В воздухе, наполненном запахом ткани, пыли и чего-то химического (наверное, магических фиксаторов), летают десятки иголок с цветными нитками. Они двигаются сами по себе, пришивая бусины и подшивая подолы. Магия здесь – обычный рабочий инструмент, как ножницы.

– Это Дамона. – Лиса заводит меня в комнату, слегка подталкивая в спину. Я чувствую себя не в своей тарелке на чу-

жой территории. – Ей срочно нужно платье. Не просто платье, а такое, в котором не стыдно пойти на концерт в клуб «Облака». И... – Лиса делает паузу, глядя на Вейну. Она точно знает, как надавить. – Оно должно быть лучше, чем у Геллы Сенклер, – подчёркивает она имя. – Вейна, ведь Гелла увела у тебя того парня на первом курсе? Помнишь? – Голос Лисы звучит одновременно сладко и едко. – Так что, девочки, – она смотрит на обеих дизайнерш, – это ваш шанс доказать, кто здесь настоящий профессионал. Вы знаете, Гелла любит раскручивать своих парней на дорогие шмотки.

– А ты решила раскрутить нас? – В голосе Катрин нет злобы, только усмешка.

– Я решила помочь вам восстановить справедливость.

В комнате становится тихо. Летающие иголки замирают. Вейна бледнеет, сжимает кулаки, в её глазах появляются обида и злость. Катрин перестаёт перебирать шёлковую ткань и внимательно смотрит на меня. Вызов принят.

В комнате накаляется атмосфера от внезапного прилива энергии. Обида Вейны на Геллу – именно то, что нужно было Лисе. Вейна выпрямляется, её глаза становятся узкими, а губы сжимаются в решительную линию.

– Затмить Сенклер? – Её голос хриплый, но уверенный. – Проще простого. Мона, мне кажется, тебе пойдёт красный. У нас как раз заказчица не забрала остаток шикарной ткани подходящего цвета. Его должно хватить.

Катрин уже двигается, ловко перепрыгивая через коробки

с лентами. Она достаёт из кучи тканей свёрток, завёрнутый в защитную материю. Когда она разворачивает его, я замираю. Ткань не красная, она скорее насыщенного вишнёвого оттенка. Когда Катрин встряхивает её, в складках мелькают крошечные искорки. Выглядит очень эффектно.

– Снимай верхнюю одежду, – командует Вейна, роясь в ящике с инструментами. Её пальцы мелькают над странными блестящими приборами, похожими на циркули и резак, но явно магическими. – Быстрее! У нас мало времени, а силуэт должен быть безупречным.

Я остаюсь в простом спортивном топе, но сидит он на мне идеально. Вейна сразу же проводит надо мной одним из приборов. От него тянется светящийся золотой шнур, обрисовывающий мои плечи, талию и бёдра. Шнур застывает, создавая контур в воздухе. Катрин тут же прикладывает к этому контуру ткань. Движения девушки быстрые и точные. Летящие иголки начинают работу, неся алые нити.

– Никаких пышных юбок, – бормочет Вейна, разглядывая мой силуэт в светящемся контуре. – Гелла любит всё вычурное. Нам нужен другой стиль. Простые линии. Что-то эффектное. – Она щёлкает пальцами, и ткань начинает меняться. Края сами подворачиваются, материал ложится, формируя облегающий лиф с глубоким, но не слишком откровенным V-образным вырезом сзади. Спереди вырез доходит до ключиц. Иголки делают невидимые стежки, чтобы платье идеально сидело на груди.

– Руки, – командует Катрин. – Подними.

Я поднимаю руки. От плеч вниз ткань не сшивается. Вместо этого Катрин берёт тонкую сетку цвета старого золота, почти невесомую. Она накидывает её на мои плечи, и иголки сразу прикрепляют к лифу.

– Макияж минимальный, – решает Катрин, внимательно рассматривая моё лицо. Её пальцы легко касаются моих висков, и я чувствую знакомое покалывание магии – Катрин не только шьёт, она ещё и хорошо умеет работать с внешностью. Она проводит кисточкой с мерцающим средством по моим векам, и я ощущаю, как ресницы становятся тяжелее и гуще. Потом её мизинец с едва заметным золотистым свечением скользит по контуру моих губ – они становятся полнее, но выглядят естественно. – Ничего яркого, – комментирует она. – Только более выразительный взгляд и лёгкое подчёркивание природной красоты.

Весь процесс нанесения макияжа занимает около получаса, но кажется, что прошли секунды. Я стою посреди беспорядка в их комнате, боясь пошевелиться, пока последние иголки пришивают маленькую застёжку сбоку.

– Готово, – наконец говорит Вейна, отходя на шаг. Её лицо всё ещё серьёзное, но в глазах читается удовлетворение. – Теперь посмотри.

Она берёт большое зеркало из угла и ставит его передо мной. Катрин включает дополнительный свет – тёплый луч падает сверху.

Смотрю в зеркало и не узнаю себя.

В отражении – высокая и изящная девушка в алом платье. Оно красиво облегает фигуру, но не стесняет движений. В ткани при каждом движении мерцают искорки. Золотая сетка на плечах и на разрезе юбки смягчает строгость красного цвета, добавляя благородный блеск. Волосы – тёмные, блестящие, с золотистыми отблесками. Глаза кажутся больше и выглядят иначе, чем всегда. Более глубокими и темными, только золотые искорки в них пляшут знакомые.

– Вау! – хихикает Лиса сбоку, и в её голосе слышится искреннее восхищение. – Мон, ты выглядишь потрясающе!

Я продолжаю разглядывать себя в зеркале, касаясь пальцами гладкой ткани. Гелле придётся постараться, чтобы пре-
взойти это.

От девчонок я выхожу в приподнятом настроении. Воздух кажется свежее, а мокрый асфальт под ногами уже не так раздражает. Я думаю, что просто обязана купить им коробку самых дорогих пирожных из пекарни у универа, как только разберусь со своими финансовыми проблемами. Пусть они помогли из-за долга перед Лисой, но старались-то они для меня. И это важно.

– Удачи, Моночка! – Лиса обнимает меня за плечи, притягивает к себе и целует в щёку, обдав знакомым запахом ванили и корицы. Мало кому идут такие однозначные и сладкие духи. – Покажи им всем! – кричит она, отступая под навес.

Магобус, большой и издающий низкий гул, подъезжает к остановке. Его корпус из тёмного дерева и полированной бронзы блестит от дождя. Я машу Лисе на прощание и пробираюсь внутрь, где полно таких же промокших студентов и горожан.

В салоне влажно и душно. Нахожу место у окна и устраиваюсь, прижимая к себе рюкзак со своей обычной одеждой. В вечернем платье в общественном транспорте я выгляжу немного странно.

Маршрут проходит через весь Горскейр до длинной центральной набережной. От конечной остановки до клуба «Облака» идти ещё прилично. Но сегодня у меня полно времени. Концерт начнётся нескоро, а мне нужно только одно: занять место у барьера прямо перед сценой. Втиснуться в первый ряд, упереться руками в холодное ограждение и никому не уступать это место.

Потому что это мой шанс. Единственный. Всё, что у меня есть, – это голос. И если я буду подпевать достаточно громко, может, кто-то из группы меня заметит. Может, кто-то из команды обратит внимание. Может, поймет, что я знаю каждую их песню. Правда, я не одна такая... Впрочем, я уверена: одна с таким голосом и безупречным слухом.

Магобус грохочет по мостовой, проезжая мимо освещённых витрин дорогих магазинов. Я закрываю глаза, представляя сцену. Огни софитов, шум толпы, первые аккорды.

Мои пальцы невольно сжимаются в кулаки на коленях.

«Ну неужели, – шепчу я про себя, глядя на своё размытое каплями дождя отражение в тёмном окне. – Неужели им не нужны девушки на бэк-вокал?»

Я бы отлично справилась. Я точно знаю, что справилась бы.

Выхожу спустя полчаса на своей остановке и быстрым шагом направляюсь в сторону клуба. Меня не интересуют сегодня красоты набережной Горскейра, я спешу быстрее попасть на «Облака».

Ноги сами несут по блестящей плитке огромной площадке. Она гладкая и влажная после дождя, в ней отражаются огни, словно в зеркале. Прямо надо мной парит в воздухе здание клуба «Облака» – белоснежное, словно корабль в темноте. Его подсвечивают снизу холодным светом, а под ним клубится туман, похожий на дым. Этот туман служит своеобразным лифтом – он поднимает людей прямо к входу в клуб.

Иногда к туманному столбу подходят люди: парочки или небольшие группы. И, окутанные дымкой, плавно возносятся вверх, исчезая в светящемся входе. Это местная элита Горскейра, те, кому доступ в «Облака» обеспечен с рождения. Они словно часть этого магического места. Простые смертные попасть внутрь могут или по приглашению элиты, или в такие редкие моменты, как сегодня. Если какая-то знаменитость расщедрилась на открытый концерт.

На площадке перед парящим клубом царит настоящее

столпотворение. Воздух наполнен гулом: смехом, выкриками, громкими разговорами и приглушённой музыкой, доносящейся сверху. Вокруг толпятся парни в дорогих, но, кажется, неудобных куртках. Их улыбки слишком широкие и натянутые – улыбки тех, кто умеет дружить с кем угодно ради выгоды.

А рядом – девушки в роскошных нарядах: их платья из дорогих тканей украшены стразами, а крой выглядит дерзко. У некоторых декольте настолько глубокие, что не оставляют места для воображения. Макияж яркий, почти воинственный, подчёркивающий уверенность и дерзость. Они здесь с той же целью, что и Гелла. Мне это чуждо.

Моё красное платье, которое ещё недавно казалось волшебным, теперь выглядит обычно. Я чувствую себя не на своём месте. Поправив рюкзак на плече, пробираюсь через гламурный хаос, стараясь никого не задеть.

Мне нужно к другому входу, туда, где уже собрались другие фанаты – в футболках группы, с самодельными плакатами и волнением на лицах. Они держатся кучкой, перешёптываются и с нетерпением ждут начала концерта.

У края площадки, где сияющая плитка сменяется простой бетонной дорожкой, меня ждёт Гелла. Её высокая фигура выделяется даже в толпе.

Подхожу. Она переминается с ноги на ногу в своём серебристом платье, которое явно стоит целое состояние. Взгляд приятельницы скользит по моему красному наряду, и в гла-

зах мелькает лёгкое удивление, мастерски скрытое за привычной маской равнодушия.

– Билет. – Я протягиваю руку, стараясь говорить спокойно. Я все еще считаю сделку несправедливой.

Гелла почти вырывает его из моих рук. Её пальцы с идеальным маникюром двигаются быстро и уверенно. Она даже не смотрит на меня, только проводит ногтем по голограмме, проверяя подлинность. Одновременно достаёт из сумочки пластиковую карту-ключ и протягивает мне.

– Адрес скинула на магфон, – бросает она безразлично, наконец взглянув на меня. В её глазах – ни капли теплоты, только деловой расчёт. – Хорошо повеселись.

Её губы растягиваются в короткую, ничего не значащую улыбку. Я машинально беру ключ-карту. Что-то в тоне Геллы настораживает.

– А ты? – вырывается у меня.

Гелла усмехается – коротко и немного высокомерно.

– И я повеселюсь. – Её взгляд скользит по толпе у главного входа, где мелькают дорогие наряды и уверенные лица. – И, надеюсь, уйду отсюда не одна.

В её голосе звучит уверенность, но уже не такая вызывающая.

Холодок пробегает по спине.

– Погоди... – Мой голос дрожит. – А ключ точно от твоего дома?

– Нет, конечно. – Гелла пожимает плечами, будто я спро-

сила несусветную глупость. – Не люблю, если это, конечно, не мужчины.

Она делает паузу.

– Но квартира, ключ от которой я тебе дала... – она покачивает билетом в воздухе, – намного круче. Уровень комфорта другой, и район престижный. Так что все честно.

Возмущение поднимается внутри.

– Но чья это квартира?! – настойчиво уточняю я, сжимая карту так, что пластик впивается в ладонь. Мысли мечутся: что-то не так.

Гелла отмахивается, уже теряя интерес. Её внимание приковано к группе у главного входа.

– Какая разница? – Её голос становится отстранённым. – Хозяин сейчас в отъезде, а ключи... у меня.

Последние слова доносятся, когда её серебристая фигура уже растворяется в толпе.

Я остаюсь одна, сжимая в одной руке билет на концерт, в другой – чужой ключ. Возмущение бурлит внутри, но я понимаю: Гелла уже исчезла в толпе у входа. И формально свою часть сделки выполнила.

Глава 4

– Вот же... – шепчу я, чувствуя, как закипаю. Зря я доверилась ей. И теперь придётся идти в неизвестность. Или гордо ночевать на вокзале. Ведь чужая квартира лучше? Лучше же?

Мысленно проклиная Геллу, я иду за толпой, направляющейся к входу. Чувствую, как адреналин стучит в висках. Здесь совсем другая атмосфера: гул голосов, стайки фанатов, ревностно взирающих на конкуренток. Девушки разного возраста, конкурентками признают всех особ женского пола без сопровождения. Разговоры сливаются в единый поток:

– ...и он такой посмотрел на меня после прошлого концерта, я уверена! Он та-а-акой! Интересно, у него есть девушка?

– Врешь! Он смотрел на ту, у которой футболка светилась...

– А вот солист в сториз выкладывал нового кота, видели? Такой милашка!

– Говорят, после шоу они иногда тусуются в VIP... Может, повезёт?

Имя лидера группы звучит в каждой второй фразе. Мне безразличны их сплетни. Я ловлю на себе любопытные взгляды. Несколько девушек задерживают внимание на моём

алом платье с золотой сеткой – оно явно выделяется среди их футболок с символикой группы и джинсов. Слышу шёпот:

– Эй, а эту раньше не видела. Кто такая?

– Не знаю... Но она мне не нравится, охотница какая-то!

Я не оборачиваюсь. Просто сжимаю билет в руке и делаю шаг вперёд.

– Просто люблю музыку. Это уже осуждается? – бросаю в пространство, не глядя на любопытную девушку. Голос немного хриплый от волнения. Этого достаточно, чтобы от меня отстали, но неприятный осадочек остается.

Вот и охрана – массивные парни в чёрном, с серьёзными лицами и сканерами. Подношу билет. Луч сканера скользит по голограмме, загорается зелёный. Охранник кивает, отступая. Я делаю шаг вперёд – прямо в стену сизого холодного тумана.

На мгновение наступает полная темнота, и влажная прохлада обволакивает кожу. Чувствую лёгкий толчок под ногами. Невидимая платформа мягко, но уверенно поднимается. Туман рассеивается так же внезапно, как появился.

И я оказываюсь в совершенно другом мире.

Шум очереди и уличного гама отрезает как ножом. Вместо них – приглушённый гул голосов, смеха, звон бокалов и отдалённый ритм репетиционной музыки. Воздух прохладный, наполненный ароматами дорогих духов и блюд из ресторанной зоны. Роскошь здесь ощущается повсюду. Мягкий золотистый свет исходит от огромных хрустальных

люстр, встроенных в стены и пол светильников, от потолка, который напоминает звёздное небо. Повсюду блеск полированного мрамора, тёмного дерева и хрома. Люди выглядят расслабленными и уверенными. Даже активная группа поддержки ведет себя более сдержанно. Некоторые девчонки постарше накидывают на майки вполне приличные, сдержанные пиджаки.

Огромный зал уже заполнен. Посетители из VIP-зоны подходят к барным стойкам, рассаживаются на диванах. Но мой взгляд сразу устремляется к сцене в дальнем конце зала. Там кипит работа: техники в чёрном снуют между колонками, микрофонами и огромными экранами. Световые пушки медленно поворачиваются. Музыкантов ещё нет, но подготовка идёт полным ходом. Гул в зале усиливается – толпа реагирует на каждое движение на сцене. Мне туда.

Пробираюсь сквозь плотную толпу фанаток у сцены. Это как плыть против сильного течения. Люди вокруг горячие и потные от возбуждения, все толкаются локтями, кто-то наступают на ноги. Я прижимаю к себе рюкзак, стараясь не задеть никого, оставаясь незамеченной. Но яркий алый цвет моего платья всё равно привлекает внимание и вызывает недовольное бормотание.

Адреналин стучит в висках, смешиваясь с общим напряжением толпы. Воздух наполнен скандирующими голосами, которые сливаются в единый мощный рёв: «Ан-ге-лы! Ан-ге-лы! Ан-ге-лы!» Ритмичный топот ног отдаётся вибрацией

в металлическом ограждении, к которому я наконец прижимаюсь. Рюкзак давит на плечи, но я почти не чувствую его веса. Главное – я заняла своё место!

Передо мной – узкая полоса пространства, охраняемая секьюрити, а за ней – сцена. Полная темнота и напряжённая тишина, которая контрастирует с безумием за моей спиной. Я крепко держусь за холодный металл барьера, дыхание перехватывает. Сейчас они выйдут.

Единственный ослепительный луч золотого света разрывает темноту сцены сверху вниз. Он падает точно в центр, и крики толпы позади меня стихают, замирают на пике, превращаясь в единый вздох тысяч людей.

В луче появляется он – Энджел.

Высокий, почти нереальный в этом сиянии. За его спиной колышутся огромные полупрозрачные крылья, переливающиеся алым и золотым, словно сделанные из живого огня. Они не горят, а мерцают, как расплавленная лава. Его лицо скрывает необычная маска, состоящая из мерцающих золотых частиц, которые создают загадочный светящийся ореол. На нём простая, но хорошо сидящая майка без рукавов и с глубоким вырезом, обнажающим ключицы. Белые свободные штаны контрастируют с тёмной кожей и золотым блеском маски. Он просто стоит и смотрит в толпу сквозь мерцающие частицы. Тишина становится почти невыносимой.

Два новых луча, холодного серебристого света, вспыхивают слева и справа от золотого. В них появляются ещё двое:

Сильвер в маске из струящегося как ртуть металла и в одежде серых и стальных оттенков, подчёркивающих его атлетическое телосложение. Рядом с ним – Грей в маске из матового тёмного серебра. Его одежда более сдержанная, но с острыми линиями. Их крылья – серебряные.

Толпа за моей спиной снова начинает шуметь, набирая громкость. Где же...

И наконец, как финальный аккорд, в самом краю сцены вспыхивает четвёртый луч – глубокий, почти чёрный, с багровыми прожилками. В нём появляется Блек. Его крылья огромные, словно сделанные из плотной тьмы, очерченные по краям багровым светом. Маска чёрная, с едва заметными угрожающими линиями, поглощающая свет. Одежда всех оттенков чёрного сливается с тенью крыльев. Он стоит чуть в глубине, словно сама ночь, вышедшая на сцену.

Тишина обрывается. Четыре луча. Четыре фигуры. И толпа за моей спиной взрывается оглушительным рёвом. Таким мощным, что вибрация проходит через пол и барьер прямо в мои кости. Музыка ещё не звучит, но шоу уже началось.

Я вжимаюсь в ограждение, забыв про рюкзак за спиной, про Геллу, про чужую квартиру. Сейчас важны только сцена, эти четыре фигуры в лучах света и мой шанс. Сердце бьётся в такт скандирующей толпе. Услышьте меня.

Музыка накрывает с головой, словно мощная волна. Все мои мысли о бэк-вокале, о том, чтобы привлечь внимание, о шансе попасть в группу мгновенно вылетают из головы. Я не

пою специально. Это получается само собой. Голос сливается с сотнями других. Это не попытка выделиться, а просто естественная реакция на происходящее.

Адреналин от всеобщего возбуждения смешивается с ба-сами, которые, кажется, пробирают до самых костей. Я подпрыгиваю, трясую головой, чувствую, как волосы хлещут по плечам. Улыбка прилипает к лицу.

Я совершенно забываю про свои неудачи и сложности, про Геллу, про чужую квартиру, забываю обо всем на свете. Сейчас существует только этот момент, мощные звуки, знакомые до последней ноты мелодии, и удивительное чувство единения со всеми. Я просто счастлива. Безумно и до головокругления.

Финал наступает неожиданно. Свет собирается в узкий тёплый круг в центре опустевшей сцены. Там остаётся только Энджел. Его светящиеся крылья исчезают, но золотая маска все так же мерцает на лице. В руках у него удивительно красивая золотая роза. Её лепестки словно светятся изнутри.

Со сцены звучит та самая баллада – нежная, трогательная, любимая тысячами. Его голос, обычно такой сильный, а сейчас тихий и проникновенный, заполняет весь зал. Я замираю, прижав руку к груди, ловя каждое слово, каждый вздох. На глаза наворачиваются слёзы не от грусти, а от этой невероятной красоты.

Он поёт, медленно поворачиваясь. Его взгляд скользит по рядам, по лицам на балконах. Кажется, он кого-то ищет.

Вглядывается вдаль. Ищет... и не находит. В позе проскальзывает лёгкая тень разочарования. Затем его взгляд опускается на первые ряды – на нас, стоящих у барьера.

Девочки рядом со мной замирают, кто-то тихонько всхлипывает. И вдруг... его шаги замедляются прямо напротив меня. Наши взгляды встречаются. Но я не могу распознать цвет глаз. Радужка постоянно меняет цвет от янтарного к изумрудному. Мгновение неловкости и замешательства. Энджел останавливается. Музыка продолжает играть, песня не прерывается, но сам он замирает и смотрит прямо на меня.

Я чувствую, как всё внутри сжимается. Не может быть... Парень протягивает руку. Золотая роза блестит в свете софита. Он не бросает её в толпу. Нет. Он осторожно вкладывает её мне в ладонь. Его пальцы едва касаются моих. Холодок металлического стебля, тонкий аромат, смешанный с запахом его кожи.

Я замираю с открытым ртом. Сердце, кажется, перестаёт биться. В руке – невероятный подарок. Я не могу пошевелиться, не могу произнести ни слова. Только смотрю на него широко раскрытыми глазами, не понимая, что происходит. И почему из всей этой толпы Энджел выбрал именно меня?

Он смотрит на меня ещё одну удивительно долгую секунду. Кажется, он тоже немного удивлён своим поступком. Потом едва заметно кивает. Или мне это только кажется?

Музыка доходит до последней ноты. Парень отступает на шаг, его фигура исчезает в темноте. Луч гаснет.

Тишина... всего на мгновение. Потом зал взрывается финальным рёвом. Свет заливает сцену, но она пуста. «Ангелы» исчезли.

Волшебство закончилось. Остался только шум толпы за спиной, тяжёлый рюкзак на плечах, дрожь в коленях и прохлада золотой розы в моей вспотевшей ладони. Я смотрю на неё, не в силах поверить. Что это было?

Энджел

Последние аккорды песни грохочут, отдаваясь тяжестью в голове. Каждый взмах крыльев, каждый прыжок даётся через силу. Костюм, который ещё недавно казался невесомым, теперь давит как свинец. От маски горит лицо. Голос пока держится – спасибо долгим годам практики и магическим леденцам, но в горле уже першит. В голове стучит одна мысль: домой. Только бы добраться до тишины и своей кровати. Но предстоит финал, в котором я дарю розу одной из поклонниц.

На самом деле я всегда в Горскейре дарю ее одному и тому же человеку. Той, кто, несмотря на разногласия, смог остаться моим другом. Когда-то, будучи совсем юной, она сильно поддержала меня и помогла поставить на ноги моего брата.

Позже, когда вследствие трагического случая я превратился в феникса, именно она помогла мне пережить перерождение из Никитоса в Энджела.

Поэтому все мои розы – ей. Золотые, как её сердце. И пусть сейчас она счастлива с другим, пусть мы редко видимся – это не символ любви. Никогда не был. Это знак вечной благодарности. Немой крик «спасибо», который я могу позволить себе только со сцены.

Но сегодня... Агнии нет в зале. Я обыскал взглядом VIP-ложи, первые ряды, даже дальние углы – пусто. Привычное ожидание перед финальной балладой сменилось пустотой под рёбрами. Разочарованием. Кому теперь дарить?

Толпа ревет, но мне вдруг становится холодно.

И тут мой взгляд падает на неё. На Дамону. В первом ряду, прижавшуюся к ограждению. В каком-то огненно-алом платье, которое само по себе искрится. Лицо сияет. Глаза горят так, будто впитали весь свет софитов. Она что-то поёт, губы шевелятся, но я не слышу её голоса – гул толпы слишком сильный. Может, и к лучшему. Не хочу разочароваться.

И вот... я совершаю вторую большую глупость за сегодня. Я снова обращаю на себя её внимание. Луч света ловит её лицо. Я подхожу к самому краю. Вижу, как её глаза расширяются, как дыхание перехватывает. Ещё секунда – и золотая роза оказывается в её руке.

Сейчас оправдываю свои опрометчивые действия тем, что после знака внимания от блистательного Энджела она полюбому забудет про невзрачного Ника.

Тьма сцены поглощает меня. Шоу окончено. Усталость наваливается, как бетонная плита. Но в груди – странное

чувство. Не облегчение. Не радость. Что-то другое. Похожее на стыд.

Пока счастливые фанаты разъезжаются по домам, меня ждет долгое и нудное совещание.

Недавно я написал песню, но для нее нужен голос. Женский. А его нет. И никто из группы не хочет пускать на нашу территорию девушку даже на одну песню. Но я решил бы эту проблему, если бы на примете был кто-то, кто мог бы спеть со мной.

Я даже устроил парочку прослушиваний, впервые за несколько лет выйдя из образа ботана Ника и примерив облик богатого наследника, который хочет зажечь звезду. Но в сердце так никто и не запал. А сейчас на меня снова будут давить и уговаривать спеть эту песню одному. А я не хочу сдаваться. Пусть я лучше не ее спою вообще, чем не так, как она должна звучать.

Глава 5

Дамона

Пробираюсь к выходу, стараясь не задеть никого в толпе, которая теперь не ликует, а медленно двигается к дверям. Локти, сумки, недовольные взгляды. Я проскальзываю между людьми, прижимая к груди золотую розу. На лице сама собой появляется глупая улыбка. В голове борются две мысли: одна твердит, что это ничего не значит, просто случайность, он даже не знает, кто я. А вторая ликует: «Меня заметили!»

Захожу в плотный белый туман, который должен спустить меня с облаков на землю. Как только мои ноги касаются прохладного влажного асфальта, слышу резкий визгливый голос:

– Кто ты вообще такая?!

Поворачиваюсь, и улыбка застывает на лице. Передо мной – те самые фанатки, что стояли рядом у входа и разглядывали моё платье. Сейчас их лица искажены злостью, глаза превратились в узкие щёлочки. Они полукругом перекрывают путь, воздух вокруг них буквально наэлектризован.

– Почему он подарил розу тебе?! – наезжает та, что повыше, с рыжей копной волос. Её голос дрожит от возмущения, она указывает пальцем на цветок.

Сердце колотится где-то в горле. Пожимаю плечами, сжимая холодный стебель розы.

– Не знаю! – вырывается у меня, голос звучит выше, чем хотелось бы. – Я-то здесь при чем? Он сам выбрал меня.

– Ты недостойна! – шипит другая, худенькая, с острым подбородком. Её глаза сверкают.

Не успеваю отреагировать, как она выхватывает розу из моих рук! Шипы царапают пальцы. Я вскрикиваю от неожиданности и боли, разглядывая красные полосы на коже.

– Эй! – пытаюсь протестовать, но рыжая уже швыряет цветков на мокрую землю. Золотые лепестки пачкаются.

– Вот тебе! – рычит она и наступает на розу тяжёлым ботинком. Металлический стебель скрипит, лепестки мнутся.

Отшатываюсь, потрясённая. Они вообще в себе? Цветок-то в чем виноват?

– Ты что творишь?! – кричит третья фанатка, с синими волосами, пытаюсь оттолкнуть рыжую. – Её можно забрать в музей группы! Она уникальная!

– Отвали! – огрызается рыжая. – Она уже помялась! Никому не нужна!

– Неправда! Ещё можно спасти! – Синеволосая пытается поднять цветок, но рыжая толкает её.

Начинается потасовка. Кто-то кричит, что рыжая права, кто-то защищает розу, кто-то просто толкается. Образуется маленький клубок из взъерошенных волос и визга.

Стою в стороне, сжимая поцарапанную ладонь. Смотреть на розу больно. Жалко этот кусочек волшебства, растоптанный в грязи. Но в то же время накатывает облегчение. Их

ярость теперь направлена друг на друга.

Они забыли обо мне.

Разворачиваюсь и почти бегу в темноту, подальше от визга и гнева. Сердце колотится, ладонь ноет. Розу жалко до слёз. Но важнее другое: за мной никто не бежит, никто не кричит вдогонку. Я свободна. И у меня есть ключ от чужой квартиры, где есть кровать и душ.

Адрес, который прислала Гелла, в другой части города. Мечта пройти пешком и немного остыть после концерта и стычки тает. Приходится вызывать такси. Залезаю на заднее сиденье, прижимаю к себе рюкзак, и тут же накрывает усталость. Даже успеваю задремать, пока магмобиль с мягким гулом мчится по ночным улицам Горскейра. За окном огни фонарей и неоновые вывески сливаются в разноцветные полосы.

Магмобиль останавливается с тихим шипением. Открываю глаза и замираю.

Мы у подножия башни. Не просто высотки, а настоящей громады из стекла и металла, уходящей в ночное небо. Панорамные окна светятся в темноте, образуя на теле башни причудливый орнамент из желтых, белых и черных квадратов. Район – один из самых престижных и дорогих в городе. Даже воздух здесь другой – не пахнет выхлопами и едой, а несёт запах холодного камня, дорогих духов и... денег.

Расплачиваюсь с водителем и выхожу. Стеклопакеты двери лобби разъезжаются, пропуская меня в прохладный, свет-

лый холл небоскреба. Внутри тишина, прохлада и запах дорогой кожи. На полу – мрамор, отполированный до блеска. За стойкой сидит невозмутимый консьерж в идеальном костюме. Его взгляд скользит по мне, по моему алому платью и рюкзаку. Оценивающе, но без эмоций. Показываю ему ключ-карту. Он бросает короткий взгляд на экран и едва заметно кивает. Проход разрешён.

Подхожу к стене и ныряю в клубящийся туман лифта, который поднимает меня на пятьдесят второй этаж. «Когда-нибудь... – мелькает шальная мысль, – у меня тоже будет тут квартира». От собственной смелости перехватывает дыхание. Это слишком нереально. Слишком далеко от моей жизни.

Двери лифта бесшумно открываются, и я оказываюсь в небольшом коридоре, выходящем прямиком к квартире. Тишина. Только тихий гул города где-то вдалеке. Дрожащими от усталости и волнения руками прикладываю ключ-карту к считывателю у массивной, но изящной двери из тёмного дерева. Слышу мягкий щелчок замка.

Открываю. Переступаю порог.

И сразу хочется развернуться и уйти. Потому что я попала не просто в квартиру. Я попала в другой мир. Мир, который явно не для таких, как я.

Передо мной огромная студия. Пространство как в ангаре, но уютное и пугающе безупречное. Главное – окна. Целая стена панорамного стекла от пола до потолка, открывающая

вид на ночной Горскейр. Город лежит внизу, как живая карта из бриллиантов и неона. От высоты и масштаба захватывает дух и немного подташнивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.